

ФОРМЫ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Асеева К.А.

ГОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства» (367008, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Атаева, 5), nur1@yandex.ru

В составе слова аффиксы принадлежности обозначают отношение имени существительного, при котором они находятся, к лицу. Формальными показателями этого отношения являются аффиксы, различающиеся по лицам в рамках единственного и множественного чисел. Ядро рассматриваемой категории составляют специализированные форманты (-м, -ым/-им, -ум/-юм; -нг, -ынг/-инг, -унг/-юнг; -ы/-и, -у/-ю и др.), ориентированные не только на принадлежность, но указывающие также на лицо и число. Морфологический способ (аффиксация) является основным для выражения посессивных отношений. Порядковые числительные, употребляясь с аффиксами принадлежности, выражают выделительное значение, а аффиксы принадлежности, сочетаясь с некоторыми местоимениями, переводят их в разряд существительных. В формах категории принадлежности выступают также глагольные именные формы, именные аналитические образования, адвербиализованные формы слов с «угасшим» аффиксом принадлежности 3-го лица. О полном охвате категорией принадлежности всей системы языка говорит использование посессивных форм в составе конструкций с именным отрицанием. В конструкциях с именным отрицанием используется лексический показатель отрицания *тогул* «не», осложненный модальным оттенком предположительности. В конструкциях с причастиями категория принадлежности является грамматическим средством обозначения лица. При субстантивном употреблении причастий категория принадлежности может: а) выражать лицо или б) употребляться в составе *изафета III*.

Ключевые слова: категория лица, категория принадлежности, морфология, грамматическая форма, *изафет*, кумыкский язык.

THE FORMS OF POSSESSION AS THE MEANS OF EXPRESSION OF PERSONALITY IN KUMYK LANGUAGE

Asevova K.A.

Dagestan State Institute of National Economy: 367008, Republic of Dagestan, Makhachkala, Atayeva str., 5, nur1@yandex.ru

As the parts of a word the affixes of possession denote the relation of the noun to the person. The formal indices of this relation are the affixes, differing in persons in singular and plural. The core of the category under study is formed with the special formants (-m, -ym/-im, -um/-jum, -ng, -yng/-ing, -ung/-jung, -y/-ju, etc.), indicating not only the possession, but also the person and the number. Morphological means (affixation) is the main one for expression of possessive relations. Ordinary numerals, when used with affixes of possession, express the meaning of distinction and the affixes of possession in combination with some pronouns transfer them into nouns. Verbal nominal forms, nominal analytical formations, adverbial forms with the “extinct” possession affix of the 3rd person act as the forms of the category of possession. The use of possessive forms in the composition with nominal negation witnesses the complete covering by the category of possession of all the linguistic system. The lexical negation index *togul* “not” supplemented with the modal meaning of supposition is used in the construction with the nominal negation. The category of possession is the grammatical means for the designation of person in the constructions with participles. When using the participles substantively the category of possession can: a) express the person or b) be used as a part of *izafat III*.

Keywords: the category of person, the category of possession, morphology, grammatical form, *izafat*, Kumyk language.

Актуальность данного исследования обусловлена той значимостью, которую играет категория персональности в формировании коммуникативного потенциала предложения. Категория лица в функционально-семантическом плане в кумыкском языке не исследована, не изучены и особенности функционирования личных форм в их взаимодействии с разноуровневыми языковыми единицами.

Цель статьи – изучение средств выражения и семантического потенциала категории принадлежности в рамках функционально-семантической категории личности на материале современного кумыкского языка.

Задачами исследования являются: а) установление функционального статуса категории принадлежности в структуре функционально-семантической категории личности; б) выявление специфики категории принадлежности, ее центральных и периферийных средств выражения лица в рамках функционально-семантической категории личности.

Методы исследования: метод функционально-семантического анализа, предполагающий изучение значений личности, выражаемых формами категории принадлежности; синхронно-описательный метод, предполагающий выявление соотношений категории принадлежности и категории личности.

Материалом для анализа послужили примеры, включающие разноуровневые средства выражения категории принадлежности, извлеченные из произведений современной кумыкской художественной литературы.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые предпринято синхронно-семантическое описание категории принадлежности в соотношении с категорией лица в кумыкском языке с учетом морфологического, семантико-синтаксического и коммуникативного аспектов.

Теоретическая значимость заключается в функционально-семантическом подходе к описанию содержательной природы категории личности с учетом разноуровневых единиц языка. Кроме того, результаты исследования позволят расширить современные представления в этой сфере и стимулируют дальнейшие исследования в функционально-семантическом аспекте.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов статьи при дальнейшей разработке теоретических проблем функциональной грамматики кумыкского языка, вузовских курсов по кумыкскому языкознанию.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее распространенным определением категории лица является определение, которое дает Р.О. Якобсон в классической работе, посвященной категориям русского глагола [15, с. 5-7]. Р.О. Якобсон применяет это определение для характеристики глагольных категорий русского языка, однако, думается, что возможности, заложенные в таком понимании личности, значительно глубже и позволяют сделать обобщения, касающиеся категории личности в целом. Действительно, пользуясь в своем определении словом «отношение» (участников речевого акта к участникам ситуации), Р.О.

Якобсон ничего не говорит о том, каким именно должно быть это отношение. Из тех примеров, которые он приводит, ясно, что речь идет только и исключительно об отношениях тождества; однако отношение, как известно, представляет собой категорию значительно более разнообразную. Кроме отношений тождества, или эквивалентности, она включает такие понятия, как отношения пространственные, временные, причинно-следственные, отношения части и целого. Отношения в определении Р.О. Якобсона трактовать широко, а не только как отношения тождества, то появляется возможность рассмотреть в рамках единой системы понятий различные типы этих отношений между участниками сообщаемой ситуации и участниками речевого акта – говорящим, слушающим и третьим лицом. Прежде всего, в этом плане представляет интерес отношения части и целого и смыкающиеся с ними отношения и принадлежности. В понятие лица в этом случае включается грамматически оформленная принадлежность участника сообщаемой ситуации участнику речевого акта, это понятие охватывает также грамматически оформленное выражение ситуации, участники которой относятся к участникам речевого акта как часть к целому. Считается само собой разумеющимся, что категория лица является принадлежностью исключительно глагола. Однако в некоторых языках и имена существительные обладают категорией лица. Именная категория сказуемости в тюркских языках тесно связана с категорией лица [3, с.112; 2, с.34]. В чукотско-корякских языках категорией лица обладают и имена. Этим языкам свойственна так называемая категория личной принадлежности. Личная принадлежность (посессивность) манифестируется либо системой притяжательных местоимений, либо системой аффиксов личной принадлежности (обычно суффиксов). Эта категория не всегда осознается как самостоятельная грамматическая категория имени и, значит, не всегда выделяется в качестве таковой. Иногда это связано с традицией описания (ее не отделяет от категории падежа и описывают в составе лично-притяжательного склонения); иногда имплицитно подразумевается особый статус этой категории, которая для имени существительного не облигаторна. Имя не может существовать без формантов числа и падежа, но отсутствие форманта посессивности отнюдь не разрушает именную словоформу. Есть слова, которые не могут существовать без лично-притяжательного показателя (термины родства, названия частей тела, предметов утвари и т.д.), но в общем случае имя способно функционировать без показателя посессивности. Однако необязательный характер той или иной категории не выводит ее из разряда грамматических категорий. Когда какая-либо грамматическая категория репрезентируется альтернативно аналитическими средствами (в данном случае притяжательными местоимениями) и синтетическими (парадигмой лично-притяжательных аффиксов), то предпочитается синтетический способ ее выражения. Поскольку речь идет о семантически единой категории лица, то следует ожидать, что парадигмы личных

показателей глагола и имени либо одинаковы, либо материально очень близки [12, с. 101-104].

Следует согласиться с мнением Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой о том, что «выражение отношения принадлежности путем простого соположения двух имен существительных, по-видимому, отражает особенность мышления древнего человека, когда принадлежащее чему-либо другому понималось как находящееся рядом или поблизости» [11, с. 78]. Согласно Н.Э. Гаджихмедову, принадлежность (поссесивность) в кумыкском языке понимается «как такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания, обладаемое) «включается» в другой (обладатель, посессор), составляя с ним единое физическое или функциональное целое. Это отношение разнообразных предметных связей осознаётся тюркским языковым менталитетом и выражается специальными языковыми единицами», т.е. аффиксами принадлежности [4, с. 53].

По справедливому замечанию Н.К. Дмитриева, «категория принадлежности есть одна из основных категорий, на которых строится тюркская грамматика» [8, с. 8, 23]. В составе слова аффиксы принадлежности обозначают отношение имени существительного, при котором они находятся, к лицу. Формальными показателями этого отношения являются аффиксы, различающиеся по лицам в рамках единственного и множественного чисел. Это отвлеченное значение отношения еще более отчетливо видно в категории принадлежности при употреблении ее при словах полужнаменательных: *уьстюбюзде* «над нами», *тюбюнгде* «под тобой». Тем не менее, во всех этих случаях употребления категории принадлежности имеет место отношение к реальному лицу. Здесь всегда возможна «подстановка» родительного падежа соответствующих местоимений, т. е. синтаксическое усиление семантики отношения к лицу. Сопряженность родительного падежа и категории принадлежности выступает здесь как форма словосочетания: *уьстюбюзде* «над нами» – *бизинуьстюбюзде* «над нами», *тюбюнгде* «под тобой» – *сени тюбюнгде* «под тобой».

Аффиксы принадлежности как показатели отношения к лицу занимают определенное место в ряду грамматических средств выражения единичности предмета: *бир* «некий, какой-то» – показатель вычленения, *бу* «этот, эта, это, эти» и другие указательные местоимения – грамматические средства указания предмета, аффиксы принадлежности – показатели отнесения к конкретизируемому определению.

Одним из распространенных способов выражения принадлежности является смешанный способ, характеризующийся сочетанием морфологических и синтаксических способов. Данный способ образуется сочетанием личных местоимений в родительном падеже с существительными с аффиксом принадлежности: *мени уьюм* «мой дом»,

къызардашымны китабы «книга сестры» и др.. *Сени досларынг – бизин дослар, душманларынг – бизин де душманларыбыз.* (И. Керимов). «Твои друзья – наши друзья, твои враги – наши враги».

В кумыкском языке предмет обладания и имя обладателя могут быть представлены в следующих структурных типах:

а) предмет обладания и имя обладателя имеют форму единственного числа (*мени китабым* «моя книга», *мени къызым* «моя дочь», *ону къатыны* «его жена»);

б) предмет обладания и имя обладателя имеют форму множественного числа: *сизин яшларыгъыз* «ваши дети», *оланы уьйлер* «их дома»;

в) предмет обладания имеет форму множественного числа, а имя обладателя – форму единственного числа: *мени яшларым* «мои дети», *сени уланларынг* «твои сыновья», *ону китаплары* «его книги»; *Бу гезик ону гёзлери Аминатгъа тикленди* (М. Абуков). «На этот раз его взор был направлен на Аминат»;

г) предмет обладания стоит в единственном числе, имя обладателя – во множественном числе: *бизин китабыбыз* букв. «наши книга», *сизин анагъыз* «ваша мать», *оланы абзары* «их двор» [Ольмесов 2000: 62]. *Бизин китабыбыз да Бавюртлу Советлер Союзуну Игити Элмурза Жумагъуловгъа багъышлана...* (Г. Къонакъбиев). «Наша книга посвящается бабаюртовцу, Герою Советского союза Эльмирзе джумагулову»;

Ядро рассматриваемой категории составляют специализированные форманты (-м, -ым/-им, -ум/-юм; -нг, -ынг/-инг, -унг/-юнг; -ы/-и, -у/-ю и др.), ориентированные не только на принадлежность, но указывающие также на лицо и число. Анализ специальной лингвистической литературы показывает, что подобные маркеры принадлежности генетически восходят к местоименным формам и относятся к наиболее древнему пласту грамматики тюркских языков. Морфологический способ (аффиксация) является основным для выражения посессивных отношений. А.М. Щербак отмечает «окказиональное смещение рядов, или порядков, следования аффиксов принадлежности и аффикса множественного числа *-лар*, наблюдаемое, главным образом, в терминах родства: аффиксы, выражающие принадлежность, оказываются перед аффиксом *-лар*, а не после него» [14, с. 75] Такое смещение рядов обнаружено в брагунском говоре кумыкского языка: *агъайынлар* в.м. лит. *агъайларынг* «твой братья», *къурдашымлар* в.м. лит. *къурдашларым* «мои друзья» [10, с. 95].

Порядковые числительные, употребляясь с аффиксами принадлежности, выражают выделительное значение: *Бу йыл хыйлы пушавлукълар болду: биринчиси, чакъны бузукълугъу, экинчиси, техниканы чачывгъа яхшы гъазир болмагъаны....* [13, с. 64]. «В этом году было много причин: первая, плохая погода, вторая, неготовность техники к посеву».

Аффиксы принадлежности, сочетаясь с некоторыми местоимениями, переводят их в разряд существительных. Ср. *бары* «все» – *барыбыз да* «мы все», *гъарибиз* «каждый из нас» *барыгъыз да* «вы все», *гъаригиз* «каждый из вас», *барысы да* «они все», *гъариси* «каждый из них». *Эгер хапарсыздан пуришавлукъ болса, гъаригиз гъар янгъа багъып къачмагъа къарагъыз.* (И. Шабаев). «В случае непредвиденных обстоятельств, постарайтесь разбежаться в разные стороны (кто-куда)».

Возвратное местоимение *оъз* «сам» также подвергается субстантивации, однако в отличие от других разрядов местоимений оно имеет полную парадигму: *оъзом* «я сам», *оъзюбюз* «мы сами», *оъзюнг* «ты сам», *оъзюгюз* «вы сами», *оъзю* «он сам», *оъзлер* «они сами». *Оъзюнг тюз бусанг, гъеч бир затдан тартынма.* (М. Абуков). «Если ты сам прав, то ничего не стесняйся».

В сложном субстантивированном местоимении *бир-бирибиз* «(мы) друг друга», а также в формах определительно-собирательного местоимения *барыбыз да* «(мы) все», имеющих только парадигму множественного числа, аффиксы принадлежности предстают лишь как средства указания на лицо. *Барыбыз да бирче болайыкъ, не бола бусакъ да* (И. Керимов). «Давайте будем вместе, что бы ни случилось».

В формах категории принадлежности используются также глагольные именные формы глагола, выражающие «опредмеченные» действия: *гелгеним* «мой приход», *салгъанынг* «то, что ты положил», *айтгъаны* «то, что он говорил» и т.д. *Сени охугъанынг таман, башгъалар да охусун.* (М. Хангишиев). «Хватит тебе читать, пускай остальные тоже читают».

В формах категории принадлежности со значением лица употребляются и именные аналитические формы, образованные при помощи вспомогательного глагола *бол-* и модификатора предположительной модальности *экен*: *Эл учун азиз жанын ойлашмай бергенде, Къазакъны йыры болгъан атамны юрегинде.* (Б. Магъаматов). «В сердце моего отца, когда он, не задумываясь, отдавал свою жизнь за родину, была песня Казака». Аналитические именные образования используются в составе изафета 3.

Адвербиализованные формы слов с «угасшим» аффиксом принадлежности 3-го лица в кумыкском языке используются только в следующих словоформах: *гечеси-гюню* «днем и ночью», *эртенинде* «утром», *гюнюнде* «днем» и т.д. *Эртенинде герти тав ёл башиланды.* (М. Хангишиев). «Утром началась настоящая горная дорога».

О полном охвате категорией принадлежности всей системы языка говорит использование посессивных форм в составе конструкций с именным отрицанием. В конструкциях с именным отрицанием используется лексический показатель отрицания *тюгюл* «не, нет», осложненный модальным оттенком предположительности: *«Биз ач*

тюгюлбюз!» – деди Уллубий. (М. Ягъияев). «Мы не голодные!» – сказал Уллубий; Сиз чи яшлар тюгюлсюз, къаравашланы эрге барма ихтияры ёкъну билесиз. (И. Керимов). «Вы же не дети, вы знаете, что служанки не имеют права выходить замуж».

Другой тип аналитических предикативных конструкций образуется при помощи недостаточного глагола *эди*, выражающего «отмеченное» качество, относящееся к плоскости прошедшего: *Бираз алда чы, господин ротмистр, артдивизионну командири эдим. (А. Къурбанов). «Недавно, господин ротмистр, я был командиром артдивизиона».*

Следы использования в древнетюркском языке в функции вокатива форм принадлежности можно обнаружить и в кумыкской системе родства: *абиси* «отец», *бажиси* «тетя», *амалым* «брат (мой)» [5, с. 135-142; 1, с. 143-162; 6, с. 47]. Термины родства используются с аффиксами первого и третьего лица единственного числа.

В кумыкском языке мы обнаружили несколько слов, образованных удвоением аффикса принадлежности. Определительное местоимение *гъар* «каждый» оформляется только удвоенным аффиксом: *гъар-и-си* «каждый из них», для лексем *он-у-су* «десять из них», *дёрт-ю-сю* «четверо из них», *бар-ы-сы да* «все», *бир-и-си* «один из них», *бирев-ю-сю* «другой», *ес-и-си* «хозяин» двойное оформление является факультативным: *Асгерлер огъар тынгламай, гъариси айры дав этме башлагъан. (М.-С. Ягъияев). «Войска его не слушаются, каждое войско воюет в отдельности». Туснакъдагъы Деникин офицерлени онусун гюллележегибизни билдиребиз. (М. Ягъияев). «Сообщаем, что из офицеров-деникинцев, десять будут расстреляны».*

При морфолого-синтаксическом способе значение «принадлежности передается сочетанием имени существительного, обозначающего предмет обладания и оформленного соответствующим аффиксом принадлежности, с родительным падежом личных местоимений» [7, с. 61]. *Мени къызардашым ёкъ. (И. Керимов). «У меня сестры нет». Сени атанг мени булан кёп дертлеше. (М. Хангишиев). «Твой отец часто на меня обижается».*

Все способы выражения принадлежности могут быть выражены в одном высказывании: *Мени атамны атасыны атасы къургъан, дав йылларда бузулма да башлагъан уйлерим янгырып къалды (М. Абуков). «Это построил мой прадед: дом, который разваливался во время войны, теперь, как новый».*

Аффикс принадлежности *-ныки*, присоединяясь к именам существительным и личным местоимениям, используется в структуре составного именного сказуемого: *«Буюрмакъ сизинки, йырламакъ меники», - деди Къазакъ. (И. Керимов). «Приказывать тебе, а петь мне», – сказал Казак».*

Форму с показателем *-ныки* Н.К. Дмитриев называет «абстрактной принадлежностью» [7, с. 59]. Однако, по справедливому замечанию Д.М. Хангишиева,

данная форма выражает и значение конкретно-предметной отнесенности. Трудно согласиться с мнением Д.М. Хангишиева в том, что этот специфический способ принадлежности образуется при помощи аффикса *-ки* [13, с. 26]. Формант *-ки* сочетается только с показателем родительного падежа, поэтому более правильным является недифференцированное представление данной морфемы с аффиксом родительного падежа. На наш взгляд, и форме на *-ныки* свойственна количественно-разделительная функция: *Ону адабиятгъа бакъгъан якъдагъы сюювю озгеленикинден артыкъ экени де ап-ачыкъ кюйде гёрюнюп тура* («Ёлдаш»). «Ясно видно, что его любовь к литературе превосходит любовь других к этому предмету».

Для усиления значения принадлежности к словоформе, обозначающей принадлежность, присоединяется слова *озъюню/озъюнюки* «его»: *Атайны озъюню тыныш алма чоласы да ёкъ*. (И. Керимов). «У Атая нет времени даже дышать».

Совместное использование обеих форм принадлежности встречается в терминах родства и свойства. При этом достигается акцентированное выражение идеи принадлежности: *Муна атабызникилер, булар амалымныкилер, булар да Аскерникилер*. (А. Мамаев). «Эти принадлежат нашему отцу, эти брату, а эти Аскеру».

В конструкциях с причастиями категория принадлежности является грамматическим средством обозначения лица. При субстантивном употреблении причастий категория принадлежности может: а) выражать лицо или б) употребляться в составе изафета III: а) *Эшитгеним эшик артада къояман, Гёргениме атгъа йимик минемен*. (А. Гьамитов). «То, что услышал, я за дверь оставляю, То, что я слышал, седлаю, как коня»; б) *Сумавап салып битген сонг, Дилбаргъа Аманхорну гелгенин айта*. (Ибрагъимов-Къызларлы). «После того как зажег самовар, он говорит Дилбар о приезде Аманхора».

При употреблении причастий в качестве определения действующее лицо обозначается аффиксом принадлежности. Значение категории принадлежности при причастиях выступает как значение отношения действия, выраженного причастием, к действующему лицу. По существу, это значение лежит в одном ряду с другими значениями категории принадлежности и обладает специфическими оттенками лишь в той мере, в какой специфично значение самого причастия, образованного от глагольной основы и обозначающего действие: категория принадлежности и здесь выражает мыслимое отношение одного слова к другому. Однако естественно, что значение категории принадлежности здесь представляется еще более далеким от реального, значения принадлежности. Дело не только в том, что семантика действия в причастии исключает возможность реального значения принадлежности, но и в том, что лексические значения некоторых глаголов, вступают в прямой конфликт с реальным значением принадлежности, и категория принадлежности в

конструкциях с причастиями от этих, глаголов обозначает отношение, противоположное значению реальной, принадлежности [Иванов 1969]. *Бизин школада охуйгъан йылларибыз да эсима тюшюп къалды.* (М. Абуков). «Вдруг я вспомнил годы, когда мы учились в школе».

Среди лично-притяжательных аффиксов особое место занимает аффикс принадлежности 3-го лица. Если для первых двух лиц специальное указание лица посредством личных местоимений в родительном падеже представляет собой своеобразную «избыточность», то при употреблении 3-го лица эта избыточность имеет место лишь в тех случаях, когда аффикс 3-го лица показывает отношение к лицу как таковому. Это отношение может быть дополнительно выражено, подобно первым двум лицам, личным местоимением в родительном падеже. Но такое использование аффикса 3-го лица составляет лишь часть, и притом незначительную, общей сферы употребления 3-го лица, так как 3-е лицо по самой природе своей — это не только третий член противопоставления в пределах местоименной «триады», но и указание на предметный мир вообще. Даже в двучленных построениях с родительным падежом личных местоимений 3-го лица значение лица выражается в большей степени именно личным местоимением, а аффикс принадлежности обозначает отношение не к лицу как таковому, а к наличному в данном словосочетании специальному обозначению лица [9, с. 74]: *ону анасы* «его мать», *оланы аякълары* «их ноги» и т.д.

Еще большая степень несамостоятельности, «ущербности» 3-го лица по сравнению с двумя другими обнаруживается в словосочетаниях, где определение в родительном падеже выражено именем существительным. Здесь аффикс принадлежности 3-го лица «жестко» связан с родительным падежом структурой словосочетания, которое принято называть изафетом. Эти два показателя взаимной связи компонентов — родительный падеж и аффикс принадлежности 3-го лица уже не дублируют друг друга, как в словосочетаниях с двумя первыми лицами, а являются элементами, имеющими каждый свою функцию и значение. [9, с. 76].

Притяжательными аффиксами может маркироваться положение участников ситуации в пространстве относительно говорящего, слушающего или 3-го лица. Это могут быть слова, характеризующие пространственное расположение объектов, такие как пространственные послелого. Личные формы пространственного послелога от основы *алд-* «перед» имеют следующую парадигму: *алдымда* «передо мной», *алдында* «перед тобой», *алдында* «перед ним», *алдыбызда* «перед нами», *алдыгъызда* «перед вами», *алдында* «перед ними». В этой парадигме даны формы местного падежа, однако, возможны формы и других пространственных и грамматических падежей.

С точки зрения функционально-семантического поля в кумыкском языке аффиксы принадлежности, производные от личных местоимений, образуют центр поля посессивности.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что посессивность является сложной, ориентированно-комплексированной грамматической категорией, которая требует системного и разноаспектного подхода к ее анализу.

Заключение.

Личная принадлежность (посессивность) манифестируется либо системой притяжательных местоимений, либо системой аффиксов личной принадлежности. В составе слова аффиксы принадлежности обозначают отношение имени существительного, при котором они находятся, к лицу. Формальными показателями этого отношения являются аффиксы, различающиеся по лицам в рамках единственного и множественного чисел. Во всех случаях употребления категории принадлежности имеет место отношение к реальному лицу. Ядро категории принадлежности составляют специализированные форманты (-м, -ым/-им, -ум/-юм; -нг, -ынг/-инг, -унг/-юнг; -ы/-и, -у/-ю и др.), ориентированные не только на принадлежность, но указывающие также на лицо и число.

Порядковые числительные, употребляясь с аффиксами принадлежности, выражают выделительное значение.

Аффиксы принадлежности, сочетаясь с некоторыми местоимениями, переводят их в разряд существительных.

Одним из распространенных способов выражения принадлежности является смешанный способ, характеризующийся сочетанием морфологических и синтаксических способов. Данный способ образуется сочетанием личных местоимений в родительном падеже с существительными с аффиксом принадлежности.

В конструкциях с субстантивированными причастиями категория принадлежности является грамматическим средством обозначения лица. При субстантивном употреблении причастий категория принадлежности может выражать лицо самостоятельно или в составе изафета III. Значение категории принадлежности при причастиях выступает как значение отношения действия, выраженного причастием, к действующему лицу.

Список литературы

1. Абакарова М.М., Гаджихмедов Н.Э. Термины родства в диалектах кумыкского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. – Махачкала, 1985. – С. 143–153.
2. Гаджихмедов Н.Э. Именная категория сказуемости в кумыкском языке // Востоковедение: Ученые записки Ленинградского госуниверситета. 18. Филологические исследования. – СПб., 1993. – С. 30–36.

3. Гаджихмедов Н.Э. Категория лица в кумыкском и русском языках // Проблемы оптимизации учебного процесса. – Махачкала, 1988. – С. 111–117.
4. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкское словоизменение в сравнительном освещении. LapLambertAcademicPublishing, 2012. – 462 с.
5. Гаджихмедов Н.Э. Морфологические признаки терминов родства в кумыкском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1985. – С. 153-162.
6. Гаджихмедов Н.Э., Гаджиева Л. А. Структура терминов родства в современном кумыкском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 6. – Махачкала: ДГУ, 2005. – 409 с.
7. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 203 с.
8. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Изд-во восточной литературы, 1956. – 606 с.
9. Иванов С.Н. Родословное древо тюрков Абу-Л-Гази-Хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). – Ташкент: Изд-во ФАН Узбекской ССР, 1969. – 204 с.
10. Ольмесов Н.Х. Бораганский говор и его место в системе кумыкского языка. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 1994. – 156 с.
11. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку: Маариф, 1979. – 303 с.
12. Хангишиев Ж.М. Къумукътил. Морфология. – Магъачкъала: Дагъыстан пачалыкъ университетни нешрияты, 1995. – 231 с.
13. Щербак А.М. Формы числа у имен в тюркских языках // Вопросы языкознания. – 1970. – № 3. – С. 87-99.
14. Якобсон Р.О. Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – 280 с.

Рецензенты:

Гаджихмедов Н.Э., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;
Хангереев М.Д., д.фил.н., профессор кафедры дагестанских языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.